

ТО ЛИ О РОМАНЕ, ТО ЛИ ПРОСТО О ГРИППЕ

Алексей Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него: Роман. М.: АСТ, 2019.

Какое-то время назад я думал, что мне понравилось писать рецензии, потому что оказался интересен процесс обнаружения в произведении чего-то такого, что, может быть, даже не понял сам автор, чего-то из его бессознательного. Это тот уровень понимания, который Жак Деррида называл деконструкцией текста. Но потом я понял другое. Написание рецензии — это возможность диалога с неординарным человеком, диалога, который в жизни, может быть, и не состоится.

Мои отношения с романом Алексея Сальникова начались с некоторой доли мистики. Когда я был на книжной ярмарке пару лет назад, еще до ковида (так спустя сто лет мы будем определять реперную историческую точку, типа это было до Первой мировой), мне посоветовали новый, модный, постмодернистский роман (так его отрекомендовал продавец). И я, что называется импульсивно, приобрел его, зная заранее, что вероятность того, что это окажется качественная литература, невысока. Хотя и ранее были исключения, например, роман Пелевина «Generation П» мне показался, как минимум, интересным. В один из последующих вечеров роман попал мне в руки, и я решил почитать его. Но установка, что это что-то коммерческое, уже была. И она сработала, мне не понравились ни стиль, ни язык, показавшиеся примитивными. Показалось, что там было что-то из мистики. Какие-то перемещения между различными историческими временами. Попытка соединить разные стили и т. д. Короче говоря, роман я бросил в дальний угол.

Спустя пару лет мне попалось в ютубе интервью Галины Юзефович с Андреем Макаревичем, где неожиданно для меня он очень лестно отозвался об этом романе. И я вновь подумал, что это коммерческая игра канала, что наверняка канал имеет свои дивиденды от пиара определенных книг. Но спустя месяц на том же канале я прослушал интервью с Чулпан Хаматовой, актрисой, которую я считал далекой от коммерции. Она тоже с восторгом рассказывала о романе Сальникова, более того, она снялась в одноименном фильме. Круг замкнулся, и я пошел доставать роман из дальнего угла и перечитывать его. И о чудо, там все изменилось! Мне понравились и стиль, и язык.

По большому счету весь роман — это зарисовка нескольких дней из жизни автослесаря Петрова. Звучит уже пародийно. Но по большому счету вся современная жизнь — это пародия на жизнь, когда человечеству не жарко и не холодно, а тепло. «Он даже вспомнил фразу из Евангелия, которая каждый раз корбила, когда ее упоминали, про людей, которые не холодны и не горячи, а теплы. Петров иногда ожидал, что ее закончат таким образом: „Потому что вы не холодны, не горячи, а просто мудаки“. Он не любил эту фразу, потому что она была про него». В этой цитате можно обнаружить центральную линию романа — дать глубокие философские идеи через простой бытовой язык, который всегда насыщен юмором. А юмор — это способность языка обнаружить в жизни противоречия.

Это, бесспорно, экзистенциальный роман. В прошлые века философия была направлена на бытие в его глобальном контексте, главными были отношения человека с Богом. Выражением в литературе такого подхода являются два центральных, на мой взгляд, романа двадцатого века — «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита». Экзистенциализм, напротив, сфокусировал объектив литературы на самом человеке, с его пусть небольшим, но не менее важным мирком. Дьявол кроется в деталях. Зачинателями такого стиля, наверное, можно считать Джойса, Пруста, Набокова. Конечно, Пруста, который мог над скрипом двери медитировать несколько десятков страниц, не переплюнуть, но тем не менее Сальников умудряется из мелочей выжать достаточно много интересной философской влаги.

Можно сказать, что роман Сальникова — антироман «Доктора Живаго», а сам Петров — лайт-версия Живаго. И пусть эти параллели каждый выстраивает сам, скажу только одно, если Живаго — доктор, и тема неопишуемой горячей боли, через которую прошла страна в начале двадцатого века, раскрыта через Живаго очень четко, то Петров — автослесарь и лечит машины, что тоже можно считать символичным. В романе Сальникова есть и персонаж, которого можно назвать лайт-версией Евграфа — Игорь. Напомню, что Евграф на протяжении романа «Доктора Живаго» неоднократно появлялся как черт из табакерки, помогал Юрию Живаго и вновь исчезал. Аналогично Игорь появляется несколько раз в жизни Петрова и помогает, но не материально, а духовно, осознать собственное бытие. Игорь выполняет роль духовного врача. А вообще, тема болезни проходит сквозной линией через весь роман. Но вот тема лечения просматривается в меньшей степени.

«Он точно знал! Но как это возможно?» — думал я, размышляя над романом. Как автор мог знать за несколько лет, что случится вся эта дребедень с ковидом? И чем больше я думал, тем больше приходил к мысли, что дело не в ковиде. А дело в нас, в людях. что это совершенно объективный итог, к которому пришло человечество. Причем он не печальный, как некоторые экологи кричат на каждом перекрестке, он просто такой, какой есть. Мы несколько столетий отходим от природы, превращаясь из просто друга в царя природы. Но царь заранее обречен на одиночество. Можно сказать иначе: мы стали с природой бизнес-партнерами. Про друга можно забыть на год, на несколько лет. Как в том анекдоте: ты сурка видишь? Нет. И я не вижу. А он есть! Так

и друг, он может присутствовать незримо. В отличие от него о бизнес-партнере не забудешь. С ним нужно выстраивать отношения ежедневно, иначе он тебя уест.

Если раньше человек шел с утра кормить скотину, то теперь он шуршит своими аптечками, которые с каждым годом все пухнут и заполняют уже целые шкафы. Если раньше вирусы и бактерии были своими, они были частью тебя, то теперь они враги. «Петров зря беспокоился, что Петров-младший кого-то заразит, в общем шуме голосов выделялись несколько настойчивых кашлей — и детских, и взрослых. Редкий ребенок не шмыгал носом. Девочка в костюме феи держала в руке огромный клетчатый отцовский платок и то и дело вытирала им покрасневший нос». И снова хочется подчеркнуть, что это не плохо и не хорошо, это просто наша жизнь. Как с любым знакомым мы легко переходим из состояния приятельства во вражеские отношения, так и в отношениях с природой все еще преобразуется.

Таким образом, современный экзистенциальный вопрос — это, как всегда, диалектический вопрос, и в нашем случае — это вопрос антиномии болезни и ее лечения. И внутри этой антиномии — человек. И это то, что отобразил в своем романе Сальников: «Вы думаете, вы первый за сегодня с этой температурой? Да у всех сейчас температура! Сейчас эпидемия, чего вы еще хотите от гриппа? Вы хотите, чтобы я машину забрала у эпилептика, к которому на приступ едут, или у ребенка, который на себя кастрюлю с кипятком уронил?» Можно представить, как стоит человек, и справа от него дует ветер болезни, а слева — ветер лечения, а он стоит в центре такого хитрого смерча, где абсолютная тишина, и созерцает это безумное жизневращение. Современный человек не деятель, он — созерцатель, и ему в центре ни холодно, ни жарко, а тепло

Что такое болезнь и лечение? Это переход от жизни к смерти и обратно. Что такое тепло? Это переход от горячего к холодному и обратно. Отсюда можно сделать логический вывод, что лечение — это всегда теплое состояние, суперпозиция жизни и смерти. Такое состояние описывается квантовой механикой, которая гораздо шире классической с ее однозначными решениями.

И, конечно, квинтэссенцией парадигмы лечения стал ковид, который сплотил все человечество на борьбу со всемирным злом. Если и раньше больниц было почти столько же, сколько булочных, то теперь за первыми явное преимущество. И споры о том, то ли это реалии нашего времени, то ли это смоделировано фармацевтическими гигантами, которые уже управляют мировыми финансами, непонятно. Что здесь является курицей, а что яйцом, заранее сложно сказать. Возможно, фармацевтическим компаниям сейчас просто прет и это их время. И это вновь не хорошо и не плохо, а тепло. Человечество проложило между собой и природой прокладку из языка. Современное лечение — это разговор о лечении.

Переход к жизни не внутри природы, а в системе знаков о ней свидетельствует и второй признак — смартфоны, и для этого не нужны даже разговоры. «У Петрова-младшего были друзья, точнее, один друг, они и ходили друг к другу в гости, чтобы сидеть рядом, молчать и во что-нибудь играть». В этой цитате собрана квинтэссенция современности: безликость — Петров, Петров-младший, Петров-младший-младший, бездружественность — «были друзья, точнее, один друг», в цифровом поле природные друзья не нужны и, уже упомянутая, теплоть. И вновь я акцентирую внимание на том, что это ни хорошо, ни плохо. Возможно, дружба как парадигма отношений прошлого уйдет, как уходит утренний туман.

Теплота современности проявляется во всем, даже в любви. То ли ты женат, то ли нет. В романе Сальникова Петрова развелась с мужем по личным причинам и продолжает с ним жить. А Петров мирится с этим, это — «она как бы с ним», вполне его устраивает. И даже те трепетные моменты, которые боялись в своих романах затрагивать романтики прошлого, нагнетая температуру отношений, превращены в современности

в нечто тепленькое: «Теперь могло быть так, что Петров мылся, Петров-младший сидел на унитазах, ковыряясь в носу и болтая на одной ноге сползшие к полу трусы, а Петрова в это время, допустим, закладывала в стирку одежду, или, допустим, Петрова сидела на унитазах, а Петров в это время мыл Петрова-младшего, Петрова просила принести ей новую прокладку из сумочки».

Но знаете, что парадоксально, то, что, несмотря на теплоту, через весь роман сквозит любовь, та самая простая, замызганная, христианская любовь, которой мы все жаждем как чего-то теплого и умиротворяющего: «Пришел троллейбус, светящийся изнутри волшебный своим электрическим желтым светом, издали похожий не на троллейбус, а на модель троллейбуса, снаружи издали пустой салон казался чище и целее, чем он был на самом деле». И даже в этом сквозит любовь: «...у Петрова была привычка каждое утро проверять, как дела у сына, подходить к нему спящему и брать за ступню, если ступня была холодная, Петров укрывал сына, а если теплая, то Петров думал почему-то: „Ну и хрен с тобой“, и оставлял все как есть».

Возможно, не нужно учить мир, каким ему быть, горячим или холодным. Он уже на своем веку навидался горячих революций. Возможно, теплая любовь, свободная от нравочений, — это то, что ему необходимо. Ну и хрен с тобой, мир...

Михаил СТРИГИН